

УДК 352.075(470.41-25)-054.57"19"
doi 10.17072/2219-3111-2022-3-18-30

Ссылка для цитирования: *Верняев И. И.* Этническое представительство в экономике, самоуправлении и политике Казани позднеимперского периода // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 3(58). С. 18–30.

ЭТНИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В ЭКОНОМИКЕ, САМОУПРАВЛЕНИИ И ПОЛИТИКЕ КАЗАНИ ПОЗДНЕИМПЕРСКОГО ПЕРИОДА¹

И. И. Верняев

Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

i.verniaev@spbu.ru

ORCID: 0000-0002-1540-381X

ResearcherID: F-6293-2015

Scopus Author ID: 57194167818

Статья посвящена анализу динамики этнического представительства в сфере экономики, самоуправления и политики Казани позднеимперского периода. По мере развития и интеграции городского хозяйства, демонтажа партикулярных и формирования общегражданских институтов городского самоуправления проблема участия/представительства этноконфессиональных групп в этих современных пространствах становилась все более актуальной. В методическом плане для анализа динамики и сравнения степени участия этнических групп в различных городских сферах используется индекс этнического представительства (ИЭП). Его применение позволяет избежать встречающихся в научной литературе поверхностных оценок о соотношении этнических групп в городской среде. Сделан вывод о проявлении уже в позднеимперский период тенденции постепенной коренизации городского населения, в частности усиления в городе представительства татар и других этнических групп региона. В сфере городской занятости на уровне отдельных отраслей выявлены различия в представительстве этнических групп, показано наличие ярко выраженных ниш отраслевой специализации, определяемой совокупностью факторов. Место этнических групп в городской экономике и занятости определялось особенностями присущего им культурного капитала, навыков, социальных связей в городе, регионе и на межрегиональном уровне. Сделан вывод о русско-татарском относительном балансе представительства в городском самоуправлении: недостаточное представительство в одном аспекте компенсировалось избыточным в другом. С учетом динамики ИЭП проанализирована роль этноконфессионального фактора в городской политике, соперничестве различных стратегий управления городом и выборе путей консолидации городской элиты и мобилизованных групп интересов.

Ключевые слова: Российская империя, модернизация, этноконфессиональное разнообразие, индекс этнического представительства, городская экономика, городское самоуправление, городская политика, межэтноконфессиональный альянс.

Одной из ключевых черт современной эпохи является формирование общих сфер жизнедеятельности – интегрированной экономики, институтов управления, суда и права, инфраструктуры, политических и гражданских организаций. Это сопровождалось преодолением сословно-корпоративных, этнических, культурно-бытовых границ. В авангарде изменений были города. Здесь, в условиях плотной и компактной среды, формировалось единое материальное, институциональное, инфраструктурное и политическое пространство. Но демонтаж партикулярных институтов обострял проблему представительства этнокультурных групп в общих современных пространствах.

В обобщающих работах по пореформенному городу Российской империи этноконфессиональному фактору и проблеме представительства почти не уделено внимания [*Нардова*, 1984, 1994; *Виноградов*, 2005; *Кошман*, 2008]. В то же время в последние десятилетия вышел ряд новаторских работ, посвященных отдельным поликультурным городам империи [*The City...*, 1986; *Hirschhausen*, 2006; *Woodworth*, 2006; *Meir*, 2006; *Weeks*, 2015; *Sifneos*, 2018; *Moppison*, 2019], где, в частности, эта проблематика обсуждается. Важно, что в этих работах изучается не одна группа,

а город в целом, различные его сферы, где взаимодействуют люди с разной идентичностью, происходят конфликты и устанавливается сотрудничество. В исследованиях Казани имперского периода преобладают работы, посвященные одной из групп или этноконфессиональному фактору в какой-либо сфере городской жизнедеятельности – в городском самоуправлении [Häfner, 1996; Салихов, 1997; Бадретдинов, 2002], сословных сообществах [Каплуновский, 1996], гражданских ассоциациях [Häfner, 2004], экономической деятельности [Свердлова, 1991]. В обобщающей работе по Казани и другим городам региона [Зорин и др., 2000] вопросы представительства отдельно не обсуждаются, при этом с некоторыми общими выводами относительно значимости этноконфессионального фактора нельзя согласиться (подробнее об этом – ниже).

Для сравнительной оценки участия городских групп в различных сферах городской жизнедеятельности в статье используется индекс этнического представительства (ИЭП); в литературе используются также термины «индекс участия», «индекс дискриминации», «ethnic representation proportionality index» [Nachmias, Rosenbloom, 1973; Арутюнян, Дробижеева, Гришаев и др., 1992, с. 100–118; Миронов, 2017, с. 197–210]. Индекс вычисляется делением процентной доли представителей той или иной этнической группы в исследуемой сфере (например, город в целом, институты управления, отрасль занятости и др.) на процентную долю представителей этой группы во всем населении административной территории, среди всех занятых, среди избирателей и т.д. (в зависимости от задачи и контекста). Индекс дает сводную количественную оценку, где 1,0 обозначает пропорциональное представительство, более 1,0 – «избыточное представительство» (over-representation), а менее 1,0 – «недостаточное представительство» (under-representation). Цель статьи – с помощью ИЭП показать различия и динамику представительства этнических групп Казани в разных городских сферах. Данная методика позволяет избежать некоторых поверхностных оценок межэтнической динамики, содержащихся нередко в исследованиях.

Городское этническое представительство – важный показатель функциональной роли этнических групп (в лице прежде всего их элит), возможностей их мобилизации, продвижения групповых интересов, влияния на принятие решений, освоения современных сфер экономической, социальной и политической жизни. Основными этноконфессиональными группами Казани было русское православное большинство и татарско-мусульманское меньшинство. Кроме того, в состав городского населения входили небольшие меньшинства других коренных народов края (чуваши, марийцы и др.) и представители имперских, за пределами своего основного ареала преимущественно городских, диаспор (немцы, евреи, поляки и др.). В табл. 1 представлены процентные данные об изменении этнического состава всех городов губернии и отдельно губернского центра. В табл. 2 данные обобщены в виде динамики ИЭП (в данном случае – отношение доли этнической группы в городском населении к ее доле среди всего населения губернии). Для расчетов использованы сведения Казанского губернского статистического комитета по трем хронологическим срезам.

Таблица 1

Динамика этнического состава городского населения
Казанской губернии конца XIX – начала XX в., %*

Этнические группы	Губерния в целом			Все города губернии			Казань		
	1889 г.	1901 г.	1913 г.	1889 г.	1901 г.	1913 г.	1889 г.	1901 г.	1913 г.
Русские	40,4	39,0	38,9	87,3	84,3	82,5	83,7	82,2	80,9
Татары	31,0	31,3	31,5	9,3	14,1	15,2	11,4	16,1	16,7
Чуваши	21,5	22,3	22,8	0,2	0,4	0,8	0,1	0,3	0,5
Марийцы	5,2	5,6	5,1	0,1	0,1	0,2	0,1	0,1	0,1
Мордва	1,1	1,1	1,1	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0	0,1
Удмурты	0,4	0,5	0,4	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Поляки	0,1	0,0	0,0	1,3	0,3	0,2	1,9	0,4	0,2
Евреи	0,1	0,0	0,1	1,2	0,5	0,6	1,8	0,6	0,9
Немцы	0,1	0,0	0,0	0,5	0,2	0,2	0,8	0,3	0,3
Остальные	0,1	0,2	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2	0,0	0,3
ИТОГО	100	100	100	100	100	100	100	100	100

*Рассчитано по: Памятная книжка..., 1890, с. 8–9; Адрес-календарь..., 1903, с. 18–19; Адрес-календарь..., 1914, с. 712–713.

Динамика ИЭП в городах Казанской губернии
в конце XIX – начале XX в.*

Этнические группы	Все города губернии			Казань		
	1889 г.	1901 г.	1913 г.	1889 г.	1901 г.	1913 г.
Русские	2,16	2,16	2,12	2,07	2,11	2,08
Татары	0,30	0,45	0,48	0,37	0,51	0,53
Чуваши	0,01	0,02	0,03	0,01	0,01	0,02
Марийцы	0,02	0,02	0,04	0,02	0,01	0,03
Мордва	0,02	0,02	0,05	0,03	0,02	0,07
Удмурты	0,01	0,01	0,08	0,01	0,01	0,12
Поляки	10,1	9,8	9,8	15,2	12,6	12,0
Евреи	9,9	10,3	10,4	14,7	14,2	14,6
Немцы	9,9	9,1	9,6	15,3	12,4	13,4

**Рассчитано по:* см. табл. 1.

В период с 1889 по 1913 г. население Казани увеличилось со 133 тыс. до 188 тыс. чел. При этом происходили уменьшение доли русского большинства и рост доли татарского меньшинства. Это касается и городского населения губернии в целом. Постепенно сокращался разрыв в городском представительстве между этими группами: ИЭП русских оставался стабильным, а татар – увеличивался². Нельзя в связи с этим согласиться с выводами авторов коллективной монографии о городах Поволжья, где констатировалось снижение доли татар в Казани в начале XX в. [Зорин и др., 2000, с. 24]³. Не снижалась ни их доля в населении, ни относительное представительство. У других коренных народов региона доля среди городского населения и ИЭП также увеличились, но в целом они оставались незначительными. Доля в городском населении и ИЭП тех этноконфессиональных групп, которые можно охарактеризовать как имперские городские диаспоры, существенно снижалась до начала XX в., а затем стабилизировалась.

Отмеченные тенденции можно интерпретировать как постепенную коренизацию городского населения, ослабление доминирования русских и снижение значимости диаспорно-городского элемента. Эти тенденции усилились в советское время: в период между переписями 1926–1959 гг. удельный вес татар в городах ТАССР вырос с 23,1 до 33,3 %, а русских – сократился с 73,1 до 60,9 % [Арутюнян, Дробизева, Шкаратан и др., 1973, с. 19].

Город открывал широкие возможности освоения различных экономических ниш, контроля над ресурсами региона и установления межрегиональных связей. Какое место этнические группы занимали в различных отраслях занятости Казани? В уже упомянутой коллективной монографии сделан категоричный вывод: «Очень слабо была выражена связь занятий с национальной принадлежностью» [Зорин и др., 2000, с. 31]. Приведенные ниже на основании данных переписи 1897 г. расчеты ИЭП позволяют пересмотреть это заключение.

В конце XIX – начале XX в. экономическое развитие Казани отличалось неравномерностью. С одной стороны, происходило интенсивное развитие промышленного производства. По данным на середину 1890-х г., темпы роста предприятий Казани достигли 15 % в год. С другой стороны, в отраслевом плане – и по объемам выпуска, и по доле занятых – преобладали традиционные для города производства, связанные с переработкой сельскохозяйственного сырья, по большей части местного. Отсутствие прямого железнодорожного сообщения с ведущими промышленными центрами, сезонный характер водного сообщения, конкуренция со стороны крупных волжских промышленных центров определяли относительно медленное развитие и незначительную долю новых отраслей – таких, в частности, как металлообработка и тяжелая индустрия. Те же факторы сдерживали развитие торговой деятельности в рамках относительно узкого регионального рынка. В транспортной сфере сохранялось большое значение гужевого извоза, обеспечивающего значительный объем как внутрирегиональных, так и внутригородских перевозок. В то же время положение университетского города, крупного образовательного и миссионерского центра определяло ускоренное развитие непромышленного сектора городской занятости [Свердлова, 1991, с. 27–28, 130–132; Сергеев, Мингалеев, 2008; Белов, 2014].

Отмеченные особенности оказывали влияние на этноконфессиональное измерение городской занятости. Перепись 1897 г. учла в Казани около 73 тыс. самостоятельных занятых. Ее данные о категориях занятости дают дифференцированную картину этнической специализации. ИЭП в большинстве из категорий представлен в табл. 3.

Таблица 3

ИЭП этнических групп Казани в отраслях
городской занятости, 1897 г.

Категории занятости по классификатору переписи	% занятых	ИЭП					
		Русские	Татары	Чуваши	Поляки	Немцы	Евреи
Управление							
Администрация, суд, полиция	2,3	1,15	0,53	1,22	1,07	0,78	0,13
Общественная и сословная служба	0,5	1,09	0,84	0,80	1,08	0,67	0,00
Вооруженные силы							
	8,0	0,75	0,30	3,11	8,36	0,94	4,32
Церковь							
	1,3	1,24	0,29	0,64	0,00	0,27	0,22
Свободные профессии							
Частная юридическая деятельность	0,1	1,22	0,21	0,00	0,79	3,44	1,44
Образовательная деятельность	1,8	1,09	0,41	1,33	1,47	6,00	1,18
Наука, литература, искусства	0,6	1,04	0,14	0,00	2,20	9,85	2,14
Медицина	1,3	1,08	0,15	0,65	2,24	6,76	5,46
В сфере благотворительности	0,3	1,30	0,00	2,84	0,27	0,00	0,99
Частная служба, прислуга							
	19,3	1,05	1,04	0,60	0,21	0,57	0,11
Сельское хозяйство							
Земледелие	4,0	0,72	2,14	3,20	0,00	0,35	0,04
Животноводство	0,1	1,19	0,60	0,00	0,00	0,00	0,00
Промышленность, ремесло, промыслы							
Лесоводство, лесные промыслы	0,3	1,16	0,58	0,00	0,00	0,69	0,00
Обработка волокнистых веществ	1,9	0,96	1,41	0,11	0,04	0,18	0,77
Обработка животных продуктов	2,3	1,10	0,84	0,67	0,11	0,79	0,27
Обработка дерева	1,9	1,01	1,19	0,44	0,13	1,10	0,15
Обработка металлов	2,0	1,26	0,16	0,11	0,13	1,63	0,99
Химические производства	2,7	1,08	0,95	0,16	0,12	0,20	0,22
Винокурение, пивоварение	0,3	0,82	1,68	1,24	0,24	4,63	1,73
Производство продуктов питания	1,9	1,21	0,41	0,66	0,13	0,92	0,08
Полиграфическое производство	1,3	1,05	1,03	0,17	0,13	0,14	1,05
Инструменты, часы, игрушки	0,2	0,84	0,69	0,00	0,50	7,62	18,30

Категории занятости по классификатору переписи	% занятых	ИЭП					
		Русские	Татары	Чуваши	Поляки	Немцы	Евреи
Ювелирное дело и т.п.	0,4	1,15	0,51	0,96	0,00	1,60	2,69
Изготовление одежды	8,1	0,95	1,43	0,03	0,10	0,26	1,07
Строительство и ремонт	2,2	1,23	0,38	0,10	0,07	0,40	0,27
Производство экипажей и судов	0,2	1,34	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Водные сообщения	0,1	1,24	0,17	1,75	0,00	2,90	1,22
Железные дороги	0,2	1,04	0,89	0,00	1,53	0,00	0,00
Извозный промысел	2,3	0,66	2,57	0,94	0,11	0,08	0,13
Другие сухопутные сообщения	0,3	0,79	1,90	0,00	0,56	0,00	0,00
Почта, телеграф и телефон	0,6	1,22	0,15	0,38	1,45	3,77	0,00
Кредит, коммерция	0,2	1,26	0,12	0,00	0,46	1,99	1,68
Торговля разная	2,1	0,77	2,04	0,21	0,16	0,43	2,46
Торговое посредничество	0,2	0,80	1,89	0,00	0,00	0,83	1,40
Торговля живым скотом	0,1	0,77	2,08	3,50	0,00	0,00	0,00
Торговля зерновыми продуктами	0,2	1,10	0,81	0,00	0,00	0,00	1,84
Торговля другими с/х продуктами	2,7	0,91	1,57	0,00	0,15	0,46	0,55
Торговля стройматериалами	0,2	1,04	0,85	1,17	0,45	0,00	0,00
Торговля мебелью, утварью	0,2	1,17	0,47	0,00	0,00	0,00	0,99
Торговля металлическими товарами	0,2	1,24	0,21	0,00	0,40	0,86	2,18
Торговля тканями и одеждой	1,2	0,64	2,47	0,00	0,21	0,46	3,83
Торговля кожами, мехами и т.п.	0,4	0,45	3,38	0,00	0,00	1,52	0,43
Торговля предметами роскоши	0,2	1,06	0,50	0,00	0,73	7,87	3,97
Торговля другими предметами	0,4	1,00	1,13	0,55	0,00	2,75	1,16
Торговля развозная и разносная	0,7	0,67	2,52	0,00	0,12	0,00	0,64
Трактиры, гостиницы, клубы	1,9	1,16	0,56	1,01	0,43	0,84	0,39
Торговля питейная	0,3	1,24	0,25	1,48	0,28	0,62	1,04
Чистота и гигиена тела	1,8	1,22	0,31	3,70	0,18	0,30	0,00

Рассчитано по: Первая Всеобщая перепись..., 1903, с. 204–205.

Как следует из приведенных сведений, в следующих отраслях занятости было ярко выражено избыточное представительство (ИЭП существенно выше единицы) русских: коронная администрация, суд и полиция, частная юридическая деятельность, церковная сфера, служба при благотворительных учреждениях, металлообработка, производство продуктов питания, строительство и ремонт, судо- и экипажное производство, водные сообщения, коммуникации (почта, телеграф, телефон), кредитно-финансовые операции, торговля металлическими изделиями и машинами, алкогольная торговля, ресторанно-гостиничная отрасль, банно-прачечно-

парикмахерские услуги («Чистота и гигиена тела»). Татары, слабо представленные в сфере коронной администрации, обладали внушительным, близким к относительно пропорциональному представительством в общественной и сословной службе. Из хозяйственных отраслей татары были активны и особенно избыточно представлены в земледелии, обработке волокнистых веществ (ткачество и проч.), изготовлении одежды, извозе и других сухопутных сообщениях, торговле сельскохозяйственными продуктами, кожами и мехами, торговом посредничестве, торговле развозной и вразнос. Подобная специализация свидетельствует о том, что преимуществом татар в городской экономике были их тесная связь с регионом, его сельским населением (торговля, переработка, транспорт), а также межрегиональные торговые связи. В то же время для татар было характерно недостаточное представительство в категориях свободных профессий.

Другие этнические группы специализировались на отдельных относительно узких отраслевых нишах – в соответствии с возможностями рынка труда, культурным капиталом, социальными связями и правовыми возможностями. По ряду позиций их представительство в разы превышало общегородскую норму. Так, поляки были существенно избыточно представлены в сфере образования, научно-литературно-художественной деятельности, медицине и коммуникациях. Ярко выраженными нишами специализации немцев были частная юридическая деятельность, образование, научно-литературно-художественная деятельность, металлообработка, производство инструментов и механизмов, ювелирное дело и изготовление предметов роскоши, водные сообщения, коммуникации, кредитно-финансовые операции, торговля предметами роскоши. Нишами специализации евреев, где они были избыточно представлены, были медицина, научно-литературно-художественная деятельность, производство алкогольных напитков, производство инструментов и механизмов, ювелирное дело и производство предметов роскоши, кредитно-финансовые операции, универсальная торговля, торговое посредничество, зерновая торговля, торговля металлическими изделиями, машинами и т.п., торговля тканями и одеждой, торговля предметами роскоши.

Проведенные расчеты свидетельствуют о том, что на уровне отдельных отраслевых ниш этничность, соответствующий культурный капитал, навыки, коммуникационные ресурсы и социальные связи по этноконфессиональной линии оставались важным фактором в сфере городского хозяйства и занятости.

Этнический состав горожан и городской занятости был важным фактором функционирования и изменений городского самоуправления Казани. Еще до реформы 1870 г. началось сворачивание партикулярных институтов. Обособленные институты заменялись системой этноконфессионального квотирования в общегородских. Функционировавшая с 1781 г. Казанская татарская ратуша, в административно-судебном ведении которой находились купцы и мещане татарских слобод города, в 1854 г. была упразднена. Татары перешли в ведение городской думы. При этом были определены нормы представительства татар в общем городском самоуправлении: треть думы должна была состоять из их представителей. Кроме того, в состав магистрата входили один бургомистр и два ратмана из числа татарских купцов [Хайрутдинов, Замалдынова, 1997].

Городские реформы 1870 и 1892 гг. вместе с сословными принципами ликвидировали также практики обязательного этноконфессионального квотирования, внедрив принцип налогового ценза, необходимого для получения избирательного права. Но конфессиональный подход сохранился в виде ограничения верхнего уровня представительства нехристиан среди гласных думы: в положении 1870 г. норма представительства нехристиан в городских думах ограничивалась одной третьей их состава, а в положении 1892 г. – одной пятой.

В табл. 4 представлена динамика этноконфессионального представительства среди избирателей и гласных городской думы⁴. Рассмотрено три временных среза. Доля всех имеющих избирательное право горожан на выборах в городскую думу на 1887–1891 гг. по отношению ко всему городскому населению составила 4,5 % (6026 избирателей), на 1901–1905 гг. – 0,8 % (1262 избирателей), на 1913–1917 гг. – 1,0 % (1903 избирателей). С учетом реалий рассматриваемого времени рациональнее долю цензовых горожан оценивать не по отношению ко всему населению города, а к количеству домохозяйств. Так, переписью 1897 г. в Казани было учтено около 19,2 тыс. хозяйств; в среднем на одно хозяйство приходилось 6,77 чел. (Первая Всеобщая перепись..., 1903, с. XII–XIII, 6–7). Если условно принять этот размер среднего домохозяйства

для рассматриваемых контрольных дат, то доля цензовых горожан, имеющих избирательное право, по отношению к числу домохозяйств (соответственно, домохозяев) в городе на выборах в думу на 1887–1891 гг. составила 30,6 %, на 1901–1905 гг. – 5,6 %, на 1913–1917 гг. – 6,8 %.

Таблица 4

Динамика этноконфессионального представительства русских и татар в городском самоуправлении Казани в конце XIX – начале XX в.*

Сферы представительства	Русские						Татары					
	1887–1891		1901–1905		1913–1917		1887–1891		1901–1905		1913–1917	
	%	ИЭП										
Население Казани	83,7	2,07	82,2	2,11	80,9	2,08	16,1	0,37	18,8	0,51	16,7	0,53
Все избиратели	80,5	0,96	84,2	1,02	82,3	1,02	18,3	1,60	13,7	0,85	16,0	0,95
1-й разряд	86,9	1,04	–	–	–	–	10,1	0,89	–	–	–	–
2-й разряд	88,1	1,05	–	–	–	–	9,2	0,80	–	–	–	–
3-й разряд	79,7	0,95	–	–	–	–	19,2	1,69	–	–	–	–
Гласные думы	77,8	0,97	75,3	0,89	76,3	0,93	22,2	1,21	20,8	1,52	20,0	1,25
Участие в заседаниях думы	74,1	0,95	77,1	0,96	65,3	0,86	25,9	1,16	20,6	1,25	30,5	1,52
Места в комиссиях	92,7	1,19	87,0	1,16	80,3	1,05	7,3	0,33	8,7	0,38	16,6	0,83

**Рассчитано по:* Казанские губернские ведомости, 1886, № 95, 99, 102, 104, 105, 106; 1900, № 110; 1901, № 13; 1913, № 23; Систематический сборник..., 1898, с. 13–14, 67–68; Памятная книжка..., 1890, с. 8–9; Протоколы заседаний..., 1887; Протоколы заседаний..., 1888; Сборник сведений... 1889, с. 210–213; Отчет... 1902, с. 9–15; Адрес-календарь... 1903, с. 18–19; Журналы и протоколы... 1905; Журналы и протоколы..., 1907; Адрес-календарь..., 1914, с. 154–158, 712–713; *Бадретдинов*, 2002, с. 254, 260–262. ИЭП среди гласных вычислен как отношение доли представителей этнической группы к ее доле среди всех избирателей. Посещаемость заседаний думы за 1887 г. – 38 заседаний, 1904 г. – 32 заседания, 1913–1916 гг. – 134 заседания. ИЭП вычислен как отношение доли совокупных посещений заседаний гласными той или иной этнической группы к доле гласных этой этнической принадлежности среди всех гласных думы. Количество мест в комиссиях учтено за первый год работы соответствующего состава думы.

ИЭП русских среди цензовых горожан-избирателей оставался относительно стабильным и на уровне пропорциональности. Представительство татар среди цензовых избирателей в 1887 г. было существенно – более чем в полтора раза – выше пропорционального уровня (за счет высокой доли среди избирателей 3-го разряда). Отсечение в результате реформы 1892 г. значительной части сравнительно малоэлитных цензовых горожан, составлявших в разрядной системе выборов по положению 1870 г. третий разряд, привело к существенному снижению индекса представительства татар. Но затем показатель повысился и в 1913 г. достиг почти пропорционального уровня. Таким образом, к концу имперского периода в этническом представительстве среди имеющих избирательное право горожан установился относительный русско-татарский баланс.

В какой мере избиратели из числа ведущих этноконфессиональных групп пользовались своим избирательным правом? В целом, татарские цензовые горожане были существенно более активны и организованнее на выборах, чем русские. Так, в Казани на выборах 30 декабря 1908 г. участвовало 34,4 % от списочного состава избирателей. Из участников выборов 31,6 % составили избиратели-татары. На повторных выборах 25 января 1909 г. доля татар составила уже 41,7 % (Камско-Волжская речь, 1909, № 148, 151, 163). В выборной компании 1912–1913 гг. русские избиратели были более активны, чем прежде, но тем не менее относи-

тельное представительство татар среди реализовавших свое избирательное право цензовых горожан осталось более высоким, выше пропорционального уровня: на двух выборных собраниях 20 и 30 апреля 1913 г. татары составляли 18,0 и 26,6 % соответственно (их доля в списочном составе избирателей была 16,0 %) [Бадретдинов, 2002, с. 83, 95]. Благодаря организованности «мусульманская партия» была сильным игроком на городских выборах, проводя, как правило, максимально возможное по закону число гласных-нехристиан и влияя на избрание также и русских кандидатов (Казанский телеграф, 1913, № 5897; Камско-Волжская речь, 1913, № 38). ИЭП татар среди гласных думы, как видно из табл. 4, систематически превышал пропорциональный уровень как до, так и после реформы 1892 г. ИЭП русских, напротив, был устойчиво ниже пропорционального уровня (Казанские губернские ведомости, 1901, № 13; Отчет..., 1902, с. 3–4; Журналы..., 1907, с. 93–94, 101; Журналы..., 1910, с. 163–168; Казанский телеграф, 1913, № 5991).

В какой мере гласные от ведущих этноконфессиональных групп города были активны в думе? В качестве критерия оценки выбрана посещаемость заседаний. Как видно по данным табл. 4, ИЭП на заседаниях думы русских гласных был систематически ниже уровня пропорциональности, а гласных-татар – выше.

Наряду с думой важным механизмом связи с горожанами, разработки решений и их реализации, проведения групповых интересов были думские комиссии. ИЭП русских в составе думских комиссий в рассматриваемый период снижался, а татар – увеличивался. Тем самым представительство выравнивалось, достигнув в комиссиях последней городской думы имперского периода почти пропорционального уровня. Результаты анализа динамики представительства в думских комиссиях позволяют скорректировать положение, высказанное в диссертации Т. З. Бадретдинова, о том, что «гласные-мусульмане были слабо представлены в комиссиях» [Бадретдинов, 2002, с. 153]. Этот вывод не учитывает динамики анализируемого показателя.

Этноконфессиональный фактор оказывал большое влияние на городскую политику, формирование коалиций, само видение города как системы. Рассмотрим в этой связи последнюю перед войной избирательную кампанию 1912–1913 гг. по выборам в городскую думу – одну из наиболее активных в позднеимперский период. В ходе кампании окончательно вызрели своего рода муниципальные «идеологии», вокруг которых организовывались городские коалиции, а также ярко проявилось значение этноконфессионального фактора в этих процессах.

С конца 1900-х гг. среди русских гласных городской думы Казани и шире – активной части городских элит – оформились две коалиции, получившие неофициальные названия «стародумцев» и «новодумцев» (или прогрессистов). При этом татарский (мусульманский) электорат, являясь значимой организованной силой на городских выборах, мог существенно повлиять на победу той или иной «партии», ее главенство в городской политике.

«Новодумцы» исходили из представления о городе как едином социальном, хозяйственном, инфраструктурном и управленческом организме. Цель муниципального управления – развитие города как совокупности «общественных благ». «Новодумцы» выступали за широкую и ускоренную муниципализацию городского хозяйства, отказ от концессионной и подрядной систем. Осветительные сети, транспорт, водопровод, канализация, оборудованные торговые помещения, пристанская инфраструктура, мосты и перевозки, предприятия по благоустройству и другие службы должны принадлежать городу, управляться его администрацией. «Новодумцы» поддерживали активную социальную политику и регулирование рыночных отношений. Они разрабатывали масштабные планы перепланировки улиц. Город должен был установить санитарный надзор не только в общественных местах, но и на частных территориях – в домах и дворах. Частное строительство должно было вестись под контролем городской администрации. Еще одно направление активного вторжения в частную сферу – плановая борьба с разного рода социальными девиациями (алкоголизм, нищенство и др.). Предполагалось, что муниципальная власть фактически возьмет под контроль частные, конфессиональные и сословно-корпоративные учреждения по призрению. В целом эту идеологию и программу городского управления можно охарактеризовать как технократическую и социал-инженеристскую. Уже в период работы думы 1909–1913 гг. значительная фракция гласных-«новодумцев» предприняла действия по реализации своей программы (Камско-Волжская речь, 1913, № 1, 23, 76, 78; Казанский телеграф, 1913, № 5963, 5967).

«Стародумская» фракция, в отличие от «новодумцев», не строила широкомасштабных проектов. Их подход был умеренным и, по их мнению, прагматичным. Планы «новодумцев» при этом критиковались как не обеспеченные наличными материальными и кадровыми ресурсами прожектёрство. Город, как полагали «стародумцы», не был готов к масштабной муниципальной; традиционный способ обслуживания городских нужд через посредство компаний-контрагентов являлся, на их взгляд, более эффективным и менее затратным для плательщиков налогов. Они указывали на многочисленные ошибки и провалы в муниципальных проектах, инициированных «новодумцами». Деятельность думы и управы, по мнению «стародумцев», должна была быть сосредоточена на решении текущих проблем наименее затратным способом, с учетом интересов значимых и организованных городских групп (Журналы..., 1907, с. 382–395; Камско-Волжская речь, 1913, № 34, 69, 72, 73; Казанский телеграф, 1913, № 5966, 5967, 5973, 5974, 6271).

В соответствии с указанными общими установками строилась и выборная тактика ведущих городских фракций. «Новодумцы» рассчитывали на усиление электоральной активности избирателей с окраин города путем перехода от выборов в едином избирательном собрании к выборам по территориальным частям. Им не удалось изменить электоральную систему, но в период предвыборной кампании они провели собрания избирателей во всех шести частях города, сформировали порайонные комитеты и наметили кандидатов, разделяющих их программные установки.

«Стародумцы» в формировании предвыборного списка сделали ставку не столько на общность программы, сколько на представительство ключевых групп интересов. Город рассматривался прежде всего как совокупность, компромиссный альянс тех групп среди ценовых горожан, которые сумели организовать и выразить потребность иметь своих представителей в городском самоуправлении (Казанский телеграф, 1913, № 5964).

Лидеры татарской общины города предпочли войти в альянс со «стародумской» фракцией. В результате соглашения был сформирован русско-мусульманский беспартийный блок. Одним из решающих аргументов для лидеров мусульман стал отстаиваемый «стародумцами» существующий порядок выборов в общем собрании. При территориальном представительстве, на котором настаивали «новодумцы», татары имели шанс провести только 5–6 гласных вместо максимальных по закону 16 мест (т.е. 20 % от всех) в думе, которые они имели в последние годы (Казанский телеграф, 1913, № 5897; Камско-Волжская речь, 1913, № 11). Кроме того, модель городского хозяйства, отстаиваемая «новодумцами», подразумевала усиление влияния технократического элемента в управлении. Как показано выше, татары были недостаточно представлены в таких категориях занятости, как свободные профессии и чиновники. Соответственно, «новодумская» программа создавала для них в текущей ситуации дополнительные риски утраты приобретенных позиций и представительства. Исходя из этих рисков и интересов, лидеры мусульман на предвыборных собраниях критиковали планы ускоренной муниципальной городского хозяйства (Казанский телеграф, 1913, № 5965). В этом отношении позиции мусульман и «стародумцев» оказались близки. «Стародумцы» обещали также поддерживать мусульман в их различных религиозных, образовательных нуждах и требованиях (Казанский телеграф, 1913, № 5974, 5980).

Русско-мусульманский блок поддержало влиятельное общество взаимного страхования, заинтересованное, в частности, в расширении своего состава за счет мусульман (Казанский телеграф, 1913, № 5968). Вошли в список блока представители подрядчиков – контрагентов города, – которые были объективно не заинтересованы в муниципальной. Сообщество владельцев трактиров, обложение которых составляло значимую статью городского бюджета, также примкнуло к блоку (Казанский телеграф, 1913, № 5971). В список вошли представители обществ приказчиков, русских ремесленников, служащих частных компаний. Поддержали блок многие домовладельцы, недовольные повышением налогового сбора, идущего на финансирование дорогостоящих городских проектов. Внушительно были представлены чиновничество и разные категории «свободных профессий». Мусульмане 16 ожидаемых мест в думе, выделенных им блоком, по большей части распределили между значимыми группами интересов в своей среде (Камско-Волжская речь, 1913, № 78). Один из лидеров русско-мусульманского блока К. С. Олешкевич следующим образом охарактеризовал принцип формирования коалиции:

в выработанный список «входит часть старых гласных, новых жителей и представители различных профессий и ремесел, чтобы каждая группа казанских граждан могла найти в думе представителей своих интересов» (Казанский телеграф, 1913, № 5974).

Список «стародумцев» одержал победу на городских выборах 1913 г. Их установка на создание коалиции мобилизовавшихся и влиятельных групп интересов оказалась более успешной, чем стратегия и тактика прогрессистского блока. При этом поддержка со стороны татар и их лидеров внесла один из решающих вкладов в успех русско-мусульманского блока. «Новодумцам» не удалось в достаточной для победы мере мобилизовать избирателей вокруг территориальных интересов и обобщенных программных установок. Даже в рамках цензового населения города и его частей положение отдельных групп и категорий горожан, их интересы были существенно различными.

В новой думе усилились настроения по отказу от некоторых созданных или запланированных предыдущим составом думы элементов муниципального хозяйства по причине дороговизны их содержания, неэффективности или нехватки необходимых кадров. Так, намечены были отказ от автомобильной техники в пожарном обозе, закрытие утилизационного завода, приостановка работ по созданию городской дамбы, ликвидация дорогостоящего технического отдела, замена его «опытными» техниками в каждой части города (Камско-Волжская речь, 1913, № 143).

Подводя итог, констатируем, что модернизационные процессы в экономике, демонтаж партикулярных и формирование общегражданских институтов управления не привели к устранению этноконфессионального фактора в различных сферах городской жизнедеятельности. Напротив, этничность стала важным ресурсом в сфере занятости, освоения той или иной ниши хозяйственной деятельности, участия во властных коалициях, воздействия на принятие решений. Соответственно, проблематика этнического представительства стала одной из важнейших. Уже в конце имперского периода наметилась отчетливая тенденция к усилению представительства в губернской столице групп коренного населения региона. Это закладывало основы последующего национального строительства. Место и представительство этнических групп в отраслях городской экономики и занятости определялись особенностями присущего им в исследуемый период культурного капитала, навыков, социальных связей в регионе и на межрегиональном уровне. В конкурентной городской политике позднимперского периода фактор групповой этноконфессиональной идентичности и сплоченности оказывал влияние на выбор той или иной муниципальной идеологии и соответствующей практики управления городом. На основании рассмотренных количественных и качественных данных можно сделать вывод о том, что на уровне институтов городского самоуправления сформировался динамичный межэтноконфессиональный русско-мусульманский (русско-татарский) элитный альянс. В рамках его, безусловно, были противоречия, различия интересов, но принятие многих общих решений было бы невозможно без способности к компромиссу и взаимных уступок. Традиции межгруппового этноконфессионального альянса стали долгосрочным фактором развития Казани.

Примечания

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 20-09-00353.

² Этот процесс еще нагляднее прослеживается с учетом данных Первой всеобщей переписи населения империи, в ходе которой более тщательно было зафиксировано наличное население и было причислено к городу население ряда пригородных слобод: доля татар в населении Казани уже в 1897 г. достигла 21,9 %, а их индекс представительства в губернской столице – 0,71.

³ Причиной ошибки, по-видимому, стало сопоставление в одном ряду разных по методике сбора данных административного учета, на которых основывались отчеты губернского статистического комитета и переписи 1897 г.

⁴ При определении этнической принадлежности использовались данные антропониимики, а для выборов 1913 г. – также списки избирателей в Государственную думу, где указывалась национальность избирателей.

Список источников

Адрес-календарь и памятная книжка Казанской губернии на 1903 год. Казань: Губернский статистический комитет, 1903. XXX, 299, 159, 64, 2, IV, 43 с.

Адрес-календарь и справочная книжка Казанской губернии на 1915 год. Казань: Губернский статистический комитет, 1914. XLIII, 819 с.

- Журналы и протоколы заседаний Казанской городской думы за 1902 год. Казань: Тип. А.М. Петрова, 1905. XXXIX, 1018 с.
- Журналы и протоколы заседаний Казанской городской думы за 1904 год. Казань: Казанская городская дума, 1907. XXII, 743 с.
- Журналы и протоколы заседаний Казанской городской думы и доклады управы за 1908 год. Казань: Казанская городская дума, 1910. 15, 401 с.
- Казанские губернские ведомости. 1886. № 95, 99, 102, 104, 105, 106; 1887. № 65; 1900. № 110; 1901. № 13; 1913. № 23.
- Казанский телеграф. 1913. № 5897, 5963, 5965–5967, 5964, 5968, 5971, 5973, 5974, 5980, 5991, 6271.
- Камско-Волжская речь: газета общественно-литературная и политическая. 1909. № 148, 151, 163; 1913. № 1, 11, 23, 34, 38, 69, 72, 73, 76, 78, 143.
- Отчет Казанской городской управы за 1901 год. Казань: Казанская городская управа, 1902. VII, 387, 369 с.
- Памятная книжка Казанской губернии на 1889–1890 годы. Казань: Губернский статистический комитет, 1890. XVI, 226, 74 с.
- Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Казанская губерния. СПб.: ЦСК МВД, 1903. [4], XVI, 284 с.
- Протоколы заседаний Казанской городской думы за вторую половину 1887 года. Казань: Тип. «Казанского Биржевого Листка», 1888. XVI, 543–1188 с.
- Протоколы заседаний Казанской городской думы за первую половину 1887 года. Казань: Типография «Казанского Биржевого Листка», 1887. XVI, 541 с.
- Сборник сведений о настоящем состоянии городского хозяйства в главнейших городах России / сост. П. Алабин, П. Коновалов. Самара: Тип. И.П. Новикова, 1889. IV, 908 с.
- Систематический сборник постановлений Казанской Городской Думы за 22 года (с 1871 по 1892 включительно) / сост. Н.Н. Постников. Казань: Казанская городская управа, 1898. XXIII, 1007 с.

Библиографический список

- Арутюнян Ю.В., Дробижьева Л.М., Гришаев И.А.* [и др.]. Русские: этносоциологические очерки. М.: Наука, 1992. 461 с.
- Арутюнян Ю.В., Дробижьева Л.М., Шкаратан О.И.* [и др.]. Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. М.: Наука, 1973. 332 с.
- Бадретдинов Т.З.* Городское самоуправление Казанской губернии в начале XX века: выборы, структура, общественно-политическая деятельность, 1905–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2002. 264 с.
- Белов С.Г.* Основные тенденции развития фабрично-заводской промышленности Казанской губернии в пореформенный период // Вестник Том. гос. ун-та. 2014. № 389. С. 133–138.
- Виноградов В.Ю.* Становление и развитие городского самоуправления в России в 1870–1914 гг. М.: Экон-Информ, 2005. 388 с.
- Зорин А.Н., Зорин Н.В., Каплуновский А.П.* [и др.]. Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск: Средневолжский научный центр, 2000. 601 с.
- Каплуновский А.П.* Казанская мещанская община в пореформенное время // Вестник Евразии. 1996. № 2. С. 31–48.
- Кошман Л.В.* Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2008. 446 с.
- Миронов Б.Н.* Управление этническим многообразием Российской империи. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2017. 640 с.
- Моррисон А.* На Дунганской улице. Город Верный как «плюральное общество» [Электронный ресурс] // История: электрон. науч.-образоват. журнал. 2019. Т. 10, вып. 1 (75). URL: <https://history.jes.su/s207987840002553-7-1/> (дата обращения: 24.08.2020).
- Нардова В.А.* Городское самоуправление в России в 60 – начале 90-х гг. XIX в. Правительственная политика. Л.: Наука, 1984. 260 с.

- Нардова В.А.* Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX в. СПб.: Наука, 1994. 160 с.
- Салихов Р.Р.* Представительство татар-мусульман в выборных органах местного самоуправления в Казани на рубеже XIX–XX вв. // Панорама-форум. 1997. № S12. С. 102–116.
- Свердлова Л.М.* На перекрестке торговых путей. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 157 с.
- Сергеев Д.А., Мингалеев И.И.* Экономические результаты деятельности промышленных заведений Казани за 1895–1896 гг. (опыт статистического анализа) // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 1. С. 63–67.
- Хайрутдинов Р., Замалдынова Г.* Татарская ратуша г. Казани (1781–1855) // Эхо веков. 1997. № 3/4. С. 272–278.
- Häfner L.* Gesellschaft als lokale Veranstaltung. Die Wolgastädte Kazan' und Saratov (1870–1914). Köln: Böhlau Verlag, 2004. 594 S.
- Häfner L.* Stadtdumawahlen und soziale Eliten in Kazan' 1870 bis 1913: Zur rechtlichen Lage und politischen Praxis der lokalen Selbstverwaltung // Jahrbucher für Geschichte Osteuropas. 1996. No. 44. S. 217–252.
- Hirschhausen U. von.* Die Grenzen der Gemeinsamkeit. Deutsche, Letten, Russen und Juden in Riga 1860–1914. Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht, 2006. 448 S.
- Meir N.M.* Jews, Ukrainians, and Russians in Kiev: Intergroup Relations in Late Imperial Associational // Slavic Review. 2006. Vol. 65, no. 3. P. 475–501.
- Nachmias D., Rosenbloom D.* Measuring Bureaucratic Representation and Integration // Public Administration Review. 1973. Vol. 33, no. 6. P. 590–597.
- Sifneos E.* Imperial Odessa: Peoples, Spaces, Identities. Leiden; Boston: Brill, 2018. 286 p.
- The City in Late Imperial Russia* / ed. by M. Hamm. Bloomington: Indiana University Press, 1986. 388 p.
- Weeks T.* Vilnius Between Nations, 1795–2000. De Kalb: Northern Illinois University Press, 2015. 366 p.
- Woodworth B.D.* Patterns of Civil Society in a Modernizing Multiethnic City: A German Town in the Russian Empire Becomes Estonian // Ab Imperio. 2006. No. 2. P. 135–162.

Дата поступления рукописи в редакцию 01.10.2020

ETHNIC REPRESENTATION IN THE ECONOMY, SELF-GOVERNMENT AND POLITICS OF KAZAN OF THE LATE IMPERIAL PERIOD

I. I. Verniaev

St. Petersburg State University, Universitetskaya emb., 7/9, 199034, St. Petersburg, Russia
i.verniaev@spbu.ru
ORCID: 0000-0002-1540-381X
ResearcherID: F-6293-2015
Scopus Author ID: 57194167818

The article deals with the dynamics of ethnic representation in the economy, self-government and politics of Kazan in the late imperial period. With the development and integration of the urban economy, the dismantling of particular institutions and the formation of a unified urban self-government, the problem of participation and representation of ethno-confessional groups in these modern spheres became especially relevant. Methodologically, the Ethnic Representation Index (IER) is used to analyze the dynamics and compare the degree of participation of ethnic groups in various spheres. Its application avoids superficial assessments of the relations and the role of ethnic groups in urban institutions. Already in the late imperial period, the processes of gradual indigenization of the urban population began, in particular, the strengthening of the representation of Tatars and other ethnic groups of the region in the city. Differences in the representation of ethnic groups in the sectors of urban employment are revealed, and the presence of pronounced niches of economic specialization, determined by a combination of factors, is shown. The place of ethnic groups in the urban economy and employment was determined by the characteristics of their inherent cultural capital, skills, social ties in the city, region and at the interregional level. The conclusion is made about the relative balance of the Russian-Tatar representation in the city governance: underrepresentation in one aspect was compensated by overrepresentation in another. Taking into account the dynamics of the IER, the author analyzes the role of

the ethno-confessional factor in urban policy, in the competition between various strategies of city management and in the choice of ways to consolidate the urban elite and mobilized interest groups.

Key words: Russian Empire, modernization, ethnic diversity, index of ethnic representation, urban economy, urban self-government, urban policy, inter-ethnic alliance.

Acknowledgments

¹ The reported study was funded by the Russian Fund of Fundamental Research, project № 20-09-00353.

References

- Arutyunyan, Yu.V., Drobizheva, L.M., Shkaratan, O.I. et al (1973), *Sotsial'noe i natsional'noe. Opyt etnosotsiologicheskikh issledovaniy po materialam Tatarskoy ASSR* [Social and national. Experience in ethno-sociological research based on the materials of the Tatar ASSR], Nauka, Moscow, USSR, 332 p.
- Arutyunyan, Yu.V., Drobizheva, L.M., Grishaev, I.A. et al (1992), *Russkie: etnosotsiologicheskie ocherki* [Russians: ethnosociological essays], Nauka, Moscow, Russia, 461 p.
- Badretdinov, T.Z. (2002), *Gorodskoe samoupravlenie Kazanskoy gubernii v nachale XX veka: vybory, struktura, obshchestvenno-politicheskaya deyatelnost', 1905–1917 gg.* [Municipal self-government of Kazan province in the early 20th century: elections, structure, social and political activity, 1905–1917]: PhD dissertation, Kazan State University, Kazan, Russia, 264 p.
- Belov, S.G. (2014), “The main trends in the development of the factory industry of the Kazan province in the post-reform period”, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, № 389, pp. 133–138.
- Häfner, L. (1996), “Stadtdumawahlen und soziale Eliten in Kazan' 1870 bis 1913: Zur rechtlichen Lage und politischen Praxis der lokalen Selbstverwaltung”, *Jahrbucher für Geschichte Osteuropas*, № 44, s. 217–252.
- Häfner, L. (2004), *Gesellschaft als lokale Veranstaltung. Die Wolgastädte Kazan' und Saratov (1870–1914)*, Böhlau Verlag, Köln, Germany, 594 s.
- Hamm, M. (ed.) (1986), *The City in Late Imperial Russia*, Indiana University Press, Bloomington, USA, 388 p.
- Hirschhausen, U. von (2006), *Die Grenzen der Gemeinsamkeit. Deutsche, Letten, Russen und Juden in Riga 1860–1914*, Vandenhoeck and Ruprecht, Göttingen, Germany, 448 S.
- Kaplunovskiy, A.P. (1996), “Kazan lower middle-class community in the post-reform period”, *Vestnik Evrazii*, № 2, pp. 31–48.
- Khairutdinov, R. & G. Zamaldynova (1997), “Tatar City Hall of Kazan (1781–1855)”, *Ekho vekov*, № 3/4, pp. 272–278.
- Koshman, L.V. (2008), *Gorod i gorodskaya zhizn' v Rossii XIX stoletiya: sotsial'nye i kul'turnye aspekty* [City and urban life in Russia in the 20th century: social and cultural aspects], ROSSPEN, Moscow, Russia, 446 p.
- Meir, N.M. (2006), “Jews, Ukrainians, and Russians in Kiev: Intergroup Relations in Late Imperial Association-al”, *Slavic Review*, vol. 65, № 3, pp. 475–501.
- Morrison, A. (2019), “On Dunganskaya Street. City of Verny as a “plural society””, *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya»*, vol. 10, № 1 (75), available at: <https://history.jes.su/s207987840002553-7-1/> (accessed: 24.08.2020).
- Nachmias, D. & D. Rosenbloom (1973), “Measuring Bureaucratic Representation and Integration”, *Public Administration Review*, vol. 33, № 6, pp. 590–597.
- Nardova, V.A. (1984), *Gorodskoe samoupravlenie v Rossii v 60 – nachale 90-kh gg. XIX v. Pravitel'stvennaya politika* [Urban government in Russia in the 1860s – early 1890s. Government policy], Nauka, Leningrad, USSR, 260 p.
- Nardova, V.A. (1994), *Samoderzhavie i gorodskie dumy v Rossii v kontse XIX – nachale XX v.* [Autocracy and City Dumas in Russia in the late 19th – early 20th Centuries], Nauka, St. Petersburg, Russia, 160 p.
- Salikhov, P.P. (1997), “Representation of Muslim Tatars in the elected bodies of local self-government in Kazan at the turn of the 19th and 20th centuries”, *Panorama-forum*, № S12, pp. 102–116.
- Sergeev, D.A. & I.I. Mingaleev (2008), “Economic results of the activities of industrial enterprises in Kazan for 1895–1896 (statistical analysis)”, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, № 1, pp. 63–67.
- Sifneos, E. (2018), *Imperial Odessa: Peoples, spaces, identities*, Brill, Leiden, Netherlands; Boston, USA, 286 p.
- Sverdlova, L.M. (1991), *Na perekrestke torgovykh putey* [At the crossroads of trade routes], Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, Kazan, Russia, 157 p.
- Vinogradov, V.Yu. (2005), *Stanovlenie i razvitie gorodskogo samoupravleniya v Rossii v 1870–1914 gg.* [Formation and development of urban self-government in Russia in 1870–1914], Ekon-Inform, Moscow, Russia, 388 p.
- Weeks, T. (2015), *Vilnius Between Nations, 1795–2000*, Northern Illinois University Press, De Kalb, USA, 366 p.
- Woodworth, B.D. (2006), “Patterns of Civil Society in a Modernizing Multiethnic City: A German Town in the Russian Empire Becomes Estonian”, *Ab Imperio*, № 2, pp. 135–162.
- Zorin, A.N., Zorin, N.V., Kaplunovskiy, A.P. et al. (2000), *Ocherki gorodskogo byta dorevol'yutsionnogo Povolzh'ya* [Essays on the urban life of the pre-revolutionary Volga region], Srednevolzhskiy nauchnyy tsentr, Ulyanovsk, Russia, 601 p.